

## **Желание как основа коммуникации: пример М. Хайдеггера и Ж. Деррида**

© Д.В. Косенко

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,  
Саратов, 410012, Россия

*На примере классического семиотического подхода к проблеме идентификации источника коммуникации рассмотрена недостаточность устоявшегося представления о коммуникации как процессе передачи сообщения от одного человека к другому. Анализируя подход М. Хайдеггера, можно сделать вывод, что источником каждого сообщения является Бытие, которое сообщает себя через язык. Следовательно, коммуникация имеет онтологическое основание, а автор выступает в качестве посредника между этим основанием и получателем сообщения. Но данная позиция не отражает в должной степени всю многогранность и сложность процесса обмена посланиями, так как со-общение приобретает чересчур метафизический характер. Ясность вносит деконструкция Ж. Деррида и предложенная им метафора почты. На основании методов деконструкции выведена гипотеза об «игре желаний», которая главенствует в процессе коммуникации. Благодаря сравнительному анализу подходов М. Хайдеггера и Ж. Деррида представлен авторский взгляд на модель коммуникации в контексте текстуального желания.*

**Ключевые слова:** *актантная схема, семиотический код, след, текстуальное желание, деконструкция, со-общение, метафора почты, коммуникация, интерпретация*

Традиционно сложилось устойчивое представление о том, что коммуникация — это передача информации между двумя и более людьми, за каждым из которых закреплена своя роль: автор адресует свое послание читателю. Но Мартин Хайдеггер и Жак Деррида имели иную точку зрения на этот счет. Если подход Хайдеггера был сконцентрирован на бытийном происхождении адресации, то Деррида подвергает деконструкции понятие коммуникации, оставляя после себя игру отношений, в которых трудно определить субъекты письма, а развести их по разные стороны сообщения становится невозможно. Кроме того, эти авторы продемонстрировали новые подходы к тому, что принято называть источником коммуникации. Поэтому сегодня как никогда актуально обратиться к работам Хайдеггера и Деррида, чтобы переосмыслить сложившуюся модель адресации. Это позволит решить многие вопросы не только в философии, но и в теории коммуникации и лингвистике.

Умберто Эко отмечает, что «теория информации предлагает такую стандартную модель коммуникации: есть Отправитель, есть Сообщение

и есть Адресат (Получатель) — Сообщение порождается, а позже интерпретируется, исходя из определенного Кода, общего и для Отправителя, и для Адресата» [1, с. 14]. Таким образом, задача информационного обмена в том, чтобы доставить сообщение до получателя путем использования семиотических кодов.

В таком случае допускается, что единство кодов на самом деле возможно, роли читателя и автора ясны, разведены по разные стороны сообщения и противопоставлены друг другу. Но данная модель не зря названа «стандартной» — она является усредненной, наиболее очевидной из множества вариантов и оставляет после себя целый ряд вопросов: кто конечный адресат сообщения, как он определяется и доходит ли до него сообщение как таковое? Совпадают ли автор и отправитель? Что произойдет, если сообщение дойдет не до того получателя? Из-за такого подхода может сложиться впечатление, что ключевое значение коммуникации — это передача сообщения от отправителя до адресата, а это в корне неверно.

При детальном рассмотрении коммуникация никогда не может быть представлена в буквальном смысле доставки послания из пункта А в пункт Б. В работах французского семиотика А.Ж. Греймаса [2] ключевую роль в актантной схеме играет не само сообщение и способ его дешифровки, а желание его получить. Без этого условия получатель будет играть роль объекта, который получает в руки условный конверт с сообщением. Субъектом его делает именно желание получить то, чего у него нет. В процессе коммуникации совершается некий онтологический акт по преобразованию недостатка в достаточность путем получения объекта желания — сообщения. Но можно ли с уверенностью сказать, что это желание удовлетворимо?

Например, Мартин Хайдеггер ответил бы «да», поскольку в его системе отправителем, истоком сообщения является не что иное, как Бытие, которое выражает себя через язык. Подобный взгляд на язык позволяет выйти за пределы его привычного понимания и в очередной раз подчеркивает его онтологическое происхождение. Мартин Хайдеггер предлагает рассмотреть язык не как форму передачи смыслов, не как способ коммуникации — он открывает совершенно новый подход, в котором язык воспринимается как путь к Бытию. Сама идея того, что «язык говорит», является актуализацией очевидного опыта, поскольку язык не создается никем из отдельно взятых людей, но они выросли и существуют в определенной языковой среде, которая позволяет им реализовать себя в языке тем или иным образом. Человек не существует вне языковой системы, но и не существует никакого языка без говорящих на нем. «Если человек является говорящим существом, то он не сам по себе обрел это качество, отличающее его от всех других живых

сущест, но получил его “от языка”, в том смысле, что сам язык “обратился” к нему» [3, с. 28].

Язык у Хайдеггера не является объектом, инструментом передачи информации, он не принадлежит человеку, и человек не его носитель. Хайдеггер обращает внимание на то, что «наше привычное представление о языке претерпело странное превращение. В результате язык стал инструментом выражения. Вследствие этого считается более правильным говорить: язык состоит на службе у мышления, вместо: мышление, как соответствие, состоит на службе у языка» [4, с. 120]. Но в понимании Хайдеггера именно язык — ключ к бытию, и язык говорит. Через говорение он показывает человеку, что он вообрал в себя, а человек использует уже говоренное языком в своей речи. По мнению Хайдеггера, речь — это совокупность сразу нескольких взаимосвязанных процессов: молчания, слушания и говорения.

Хайдеггер указывает на аудиальную схему со-общения с бытием, но тогда возникает вопрос: что человек слышит, когда вслушивается в «логос бытия»? Согласно Хайдеггеру, в этом процессе человек не слышит никаких конкретных звуков, а попадает в некое «место», из которого к нему обращаются слова. Когда он приступает к письму, слова, написанные им, не надиктовываются кем-то извне, каким-то голосом, который можно уловить. Точнее будет отметить, что пока человек ищет формулировки, фразы доносятся до него из какого-то налично не данного пространства, которое находится за гранью непосредственного восприятия. Этим «пространством», по мнению Хайдеггера, является Бытие. Исходя из этого, можно сделать вывод, что в первую очередь за каждым Автором стоит Бытие, а значит источником сообщения является онтологическое основание, а не только творческая способность отдельного человека.

Отправной точкой для со-общения является стремление приблизиться к ἀλήθεια, к не сокрытому, к истинной форме Бытия. Это желание находится в экзистенциале Dasein, который включает в себя экзистенциал заботы, проявляющийся в человеческой озабоченности миром. «Человек не ограничивается созерцательностью, а сущностно проективен, и его бытие — это бытие-в-мире. Но то обстоятельство, что человек — существо смертное и живет под знаком конечного времени, побуждает его к поиску осуществления себя в подлинном бытии» [5, с. 158]. Так, согласно Хайдеггеру, осуществление себя в подлинном бытии возможно, например, через поэзию. Поэзия, так же как и мышление, находится на службе у языка и «бескорыстно расходует себя», т. е. поэт отвечает на зов бытия и услышанное им выражается в творчестве, делая проговоренным, но не измененным, подлинным. Таким примером для Хайдеггера было, главным образом, творчество Р. Рильке, Ф. Гелдерлина, С. Георге и др. Человек реализует себя как сущее посредством

речи, вопрошая о своем бытии либо блуждая от одной вещи к другой, в конечном счете раскрывая мир и само присутствие посредством общения с бытием.

Однако в общении людей друг с другом все не так просто. Пройдя эти сложные стадии со-общения человека с бытием (молчание — слушание — говорение), «сообщение» становится выговоренным, и именно в этот момент оно может раскрываться в общении людей друг с другом. Например, в разговоре двух философов Бытие будет раскрывать себя, а вот в «толках» — нет. Толки подразумевают будничные разговоры, которые служат скорее для развлечения или описания повседневности, а не для понимания истины. В толки не заложено желание приблизиться к бытию, и результатом таких разговоров будет не что иное, как обмен мнениями. Поэтому присутствие, держащееся толков, отрезано в качестве бытия-в-мире от подлинных и первичных бытийных связей с миром и самим бытием-в, но все-таки держится при них в состоянии некоего «парения». Но при этом сообщение не «сообщает» первичное бытие сущего.

Первичное бытие сущего возникает в говорении друг с другом, которое приводит к заинтересованности проговоренным. Однако «сообщение никогда не есть что-то вроде переноса переживаний, например мнений или желаний, из глубин одного субъекта в глубины другого» [6, с. 162]. Поэтому Хайдеггер выделяет такой способ общения друг с другом, который приводит к со-общению бытия. Именно поэтому в качестве примера он рассматривает разговор философов, потому что к ним «обращается» Бытие сущего, чтобы они поведали о нем. Стоит заметить, что разговор не обязательно должен происходить непосредственно тет-а-тет, «разговаривать» также можно и со сложившейся традицией, с философами прошлых лет, поскольку важно именно то, что эти философы преследовали одну цель — раскрытие бытия, и модусы времени при этом не играют значения.

Стало быть, по мнению Хайдеггера, коммуникация в истинном смысле слова представляет собой со-общение человека с бытием, которое может быть представлено в разных формах, но ключевым для этого со-общения будет желание постичь истинность, приблизиться к бытию.

При данных условиях получается, что от бытия до человека доходит сообщение с подлинным содержанием, в обратном случае он не получает сообщение от бытия, поскольку плохо слушал и молчал, но слышание «подлинного голоса бытия» возможно, и именно оно удовлетворяет это желание преобразовать недостаточность в достаток. Стоит обратить внимание, что в отличие от стандартной модели, где актантные роли закреплены за эмпирическими субъектами, в концепции Хайдеггера главное место отведено бытию, которое является объектом желания. Хайдеггер исходит из того, что, вслушиваясь в язык и в мысль, люди,

таким образом, вне зависимости от их исходных кодов способны быть «послушными мысли и бытию».

Согласно этой точке зрения, удовлетворение желания, которое побуждает человека к коммуникации, возможно, но автор настоящей статьи вынужден с этим не согласиться. Не согласен с этим и Жак Деррида.

В работе «О почтовой открытке от Сократа до Фрейда» Деррида ставит под сомнение позицию Хайдеггера, прибегая к нескольким ходам: стремлению к смерти и метафоры почты. Во-первых, Деррида подробно рассматривает сцену игры в fort/da маленького внука Фрейда Эрнста [7]. Мальчик, ожидая возвращения матери, играет с катушкой, отбрасывая и притягивая ее к себе. Описанная Фрейдом ситуация наталкивает на мысль, что альтернатива присутствия и отсутствия катушки является условием желания. А текст, в своих бесконечно гибких и тонких чтениях, подобен поведению маленького Эрнста — стремление к присутствию, достаточности побуждает наделять прочитанное смыслом, но вместе с этим, когда человек сам пишет что-то, он хочет, чтобы это было читаемо другими, поэтому стремится поскорее избавиться от написанного, отправить его в свет, предоставить для прочтения. Таким образом, «fort» означает движение в сторону от говорящего, а «da» — движение к говорящему.

В представлении Деррида со-общение — это всегда игра в fort/da: читатель желает получить сообщение, но он хочет его прочесть не для того, чтобы узнать, что ему хотел сказать автор текста, а для того, чтобы наделить текст собственным смыслом. Автору, при классическом семиотическом рассмотрении, присуще желание хотеть сказать. В такой картине коммуникации имеет место значимость присутствия: присутствие читателя, который прочтет; сообщения, которое является объектом означивания, а значит, будет являть собой присутствие смысла; автора, который выскажет себя и своим присутствием запустит игру означивания. Кроме того, следует отметить значение коммуникации как стремления друг к другу: на французском языке (общем для Греймаса и Деррида, которые в своих работах обращают на это внимание) слова «сообщество» (communauté) и «коммуникация» (communication) однокоренные и воспринимаются в неразрывной связи. На русском данное соотношение теряется, и не с первого раза удастся увидеть это фундаментальное сближение.

Однако Деррида не стремится соответствовать классическому подходу, а открывает новые грани отношений между автором и читателем. Например, в работе «Голос и феномен» [8] он пишет о том, что автором движет желание не-хотеть-сказать. При этом он использует выражение vouloir dire, которое можно также перевести как «означивать». Таким образом, когда автор пишет текст, он не хочет наделять написанное каким-то определенным смыслом.

Уже на этом моменте классическая актантажная схема дает трещину, ведь, по мнению Деррида, в таком случае нельзя с точностью определить отправителя и адресата, поскольку в самом процессе послания они меняются местами — источником сообщения становится адресат, так как он своим наличием побуждает к началу письма ему адресуют и ему пишут. Но в то же время текст пишется не только исходя из наличия адресата, но и из-за его желания получить написанное. Как отмечает С.М. Малкина: «Деррида взламывает фонологизм, предлагая свое понимание письма, где нет никакой изначальной речи, а письмо, следовательно, отсылает к смыслу, отнесенному в будущее письма, отсутствующему в настоящем» [9, с. 21].

Метафора почты была выбрана Деррида, поскольку именно она может выразить феномен текста, все те события и операции, с которыми сталкивается письмо в момент своего движения. Также метафору почты можно рассмотреть буквально: «Отправлять почтой — это значит отправлять, “учитывая” задержки, эстафеты или отсрочки, место почтальона, возможность перехвата или забвения» [10, с. 109]. Почта может идти с недосылом или опозданием, и не существует какой-то одной Почты, своего рода Небесного главпочтамта, поскольку в этой системе нет хайдеггеровского бытия, которое не ошибается и всегда транслирует истину, существуют почты и отправки. И несмотря на все трудности того, как устроена почта это не мешает со-общению, потому что перед почтой не стоит задача доставить единственно верное сообщение, возможны трактовки и разночтения, сообщения доходят частично или остаются непонятыми, какие-то его фрагменты становятся утерянными и т. д. Сообщение, посланное из далекого прошлого, может прийти с недосылом из-за того, что были утеряны «коды дешифровки», например, греческое понимание λόγος и λέγειν уже труднодостижимо для человека современности.

Эти на первый взгляд трудности выражают, что ключевую роль в коммуникации занимает стремление, желание, а не обладание смыслом, поскольку полноценное «обладание» невозможно, ведь благодаря форме изложения, которую Деррида избирает в «Посланиях» (обрывки текста, сообщения без контекста, большие пробелы и т. д.), четко видно, что никакое сообщение не доходит до человека целиком: «Послания подрывают нашу уверенность в способности читать, отказываясь указать, как их следует читать: они закодированы, чтобы избежать возможной цензуры; они ироничны, когда намекают на “реальность”. Они размывают границы между фактом и вымыслом. И во всех этих отношениях они представляют собой текстовые перформативы желания» [11, с. 404].

Именно в этой работе Деррида реализует свое давнее желание, влекущее его «к чему-то, что литература передает лучше, чем философия,

к чистому идиоматическому письму, о недостижимости которого он знает, но все равно продолжает мечтать» [12, с. 365]. С одной стороны, это можно рассмотреть во всей почтовой буквальности: письмо пострадало при доставке; конверт пришел не по тому адресу, и поэтому получатель не может понять мотивы автора; письмо пришло с задержкой и контекст написанного стерся из памяти с течением времени. Но, с другой стороны, данная форма наглядно демонстрирует, что человек никогда не имеет дело с текстом, который в полной мере принадлежал только ему или автору, текст никогда не «присутствует», поскольку в процессе чтения все, что было написано, сжигается, и остается только зола интерпретации.

В работе «Золы угасшей прах» [13] Деррида сравнивает процесс чтения сообщения с разорванными страницами, убийством и сжиганием. Стало быть, в момент, когда адресату в руки попадает сообщение, он заменяет его на свою интерпретацию — пепел, отсылку, золу, как бы сжигая исходный смысл. Но и «отправитель» письма имеет дело не с истинным смыслом сообщения, поскольку сам находится в плену у интерпретаций: автор является первым читателем написанного, следовательно, он также не может избежать интерпретации. Значение, которое отправитель вкладывает в сообщение — равноценно значению, вкладываемому читателем. Отправителю не принадлежит «право первой отправки», которое бы наделяло его точку зрения истинностью, так как это означало бы, что текст представляет собой целостный повествовательный дискурс.

Фраза, перенесенная на бумагу, тут же воспламеняется, а в целиком сгоревшей посылке невозможно указать на занимаемые роли сообщения. Письмо всегда является золой, следом, но золой того, чего не было дано человеку в настоящем, поэтому получается, что интерпретация первична, потому что он всегда имеет дело уже с ней.

И зола, и позиция интерпретации отсылают к дерриданской концепции следа. В этом случае «след» будет условным термином для обозначения «знака отсутствия присутствия, всегда уже отсутствующего настоящего», «условия мысли и опыта». Это условная единица критики языка, которая уже присутствует в языке.

След — это прежде всего то, что его оставило. След изначально феноменален в том, что своим видом привлекает внимание не к себе, а к тому, чего больше нет. На фоне следа сущее уходит в тень. «Отсутствие другого “здесь и теперь”, другого трансцендентального наличия, отсутствие другого начала мира как такового, представшего в виде неустранимого отсутствия внутри наличности следа, все это не метафизическая формула, замененная научным понятием письма. Эта формула не только оспаривает метафизику как таковую, но и фиксирует структуру “произвольности — знака”, в тот момент, когда сама ее возможность

начинает мыслиться безотносительно к вторичной и производной оппозиции между природой и условностью, символом и знаком и прочим» [14, с. 168]. След — это то, что остается читателям от автора, а автору — от предшествующей традиции.

Интерес представляет не то, как отображается намерение написавшего, а то, как в письме связываются сообщенные формы письма, как оно обладает собственной волей и возможностями. Тексты, посвященные одному или многим людям, оказываются разными текстами, здесь срабатывают разные механизмы. Исходя из этого, можно заключить, что письмо, текст или сообщение невозможно зафиксировать в его присутствии. Следовательно, изначальное стремление читателя к получению послания остается неудовлетворенным, так же как и стремление автора передать свое сообщение. Эта игра желаний полностью растворяется в процессе *fort/da* — наличие интерпретации в качестве первичной операции делает желание неудовлетворимым, но при этом никак не влияет на их присутствие в качестве источника со-общения.

Но стоит отметить, что при рассмотрении первичности интерпретации не имеется в виду, что она приобретает метафизическое первенство подобно тому, которое было у Бытия Хайдеггера. Для Деррида невозможно поставить на первое место ни одного из субъектов письма, он подчеркивает процессуальность и множественность смысла. Интерпретация, зола — это не просто набор прочтений, это скорее форма существования текста. Если логоцентризм, который в данном случае представлен концепцией Хайдеггера, в вопросе о понимании знаковых структур обращается к трансцендентальным означаемым, а именно к идеальным сущностям (таким как Бытие), которые выступают в качестве «внетекстуального референта [как] онтологического гаранта адекватной отнесенности текстовой семантики» [15, с. 668], то Деррида призывает обратить внимание на означающее во всей его сущностной материальности. Такой подход позволяет Деррида сохранить интернациональный характер процесса коммуникации, который он стремился передать.

Подход Деррида несет в себе задачу продемонстрировать иллюзорность любой централизации, поскольку «вся история понятия структуры представляется Деррида серией подмен одного центра другим как цепочка его определений» [16, с. 221]. В концепции Деррида невозможно вот-бытие, т. е. непосредственная явленность смысла в настоящем, которое было у Хайдеггера, так как интерпретация первична, и человек никогда не имеет дела с «вещами как таковыми». Это касается всего, с чем сталкивается восприятие, потому как все, с чем человек взаимодействует, «предназначено огнем к безвозвратному рассеиванию». Для Деррида невозможен логос бытия как нечто самотождественное.



В результате применение комплекса деконструктивистских процедур приводит к устранению идеи единственно верного, абсолютного смысла и подчеркивает неограниченную множественность семантических значений. Потенциально бесконечное производство смысла впредь не привязано к инстанции автора. Как пишет об этом сам Деррида: «Дело идет о продуцировании нового концепта письма. Введение в игру различений предполагает, действительно, такие слияния и такие отсылки, которые препятствуют тому, чтобы в какой-либо момент, в каком-либо смысле имели место простые элементы, присутствующие в самих себе и отсылающие лишь к самим себе» [17, с. 46].

Ошибка системы Хайдеггера, с точки зрения Деррида, в том, что она выстроена на онтологическом центре. Если учесть доводы, которые приводит Деррида, то присутствие бытия в качестве какой бы то ни было «первой отправки» невозможно, ведь «метафизика не появляется для того, чтобы определить и утаить “отправку” бытия, но как бы принадлежит к “первой” отправке, которая, естественно, никогда не бывает “первой” в каком бы то ни было порядке, например хронологическом или логическом» [10, с. 109].

Ошибка стандартной семиотической модели коммуникации в том, что она не отображает сокрытую в этом процессе игру желаний автора, читателя и текста. Все три участника письма обладают собственными стремлениями, которые направлены на сближение друг с другом, но так и остаются неудовлетворенными. Можно сделать вывод, что коммуникация в своей сущности не несет задачи простой передачи информации, а выражает весь процесс означивания в игре интерпретаций.

Для Хайдеггера со-общение никогда не было простым обменом информацией. Для него это процесс, в котором может проявиться проговоренность, озабоченность миром. Также со-общение с Бытием никак нельзя назвать передачей информации от автора к слушателю — это способ поиска бытия сущего.

В свою очередь, концепция Деррида ставит под вопрос все части актантной схемы, указывая, что история «почт» и золы не может быть историей позиций. Не удастся определить отправителя, сообщение и адресата, поэтому регистрируется отсутствие их присутствия, получается, нет и метафизики, есть только послания без места назначения. Деконструкция стереотипа, сложившегося вокруг коммуникации, позволяет по-новому взглянуть на, казалось бы, давно привычную и понятную систему.

Подводя итог настоящего историко-философского анализа, хотелось бы отметить, что, рассматривая теории двух мыслителей на фоне стандартной модели коммуникации, можно сделать следующий вывод: автор может не только не совпадать с отправителем — порой он даже не является материальным субъектом. По мнению автора статьи,

работы Хайдеггера и Деррида ценны как раз переосмыслением актантной схемы и актуализацией заложенных в ней смыслов, которые она не могла допустить.

## ЛИТЕРАТУРА

- [1] Эко У. *Роль читателя. Исследования по семиотике текста*. Санкт-Петербург, Symposium, 2005, 501 с.
- [2] Греймас А.Ж. *Структурная семантика: Поиск метода*. Москва, Академический проект, 2004, 368 с.
- [3] Чебан А.Г., Маслов Р.М., Гушин Я.Д. Язык и слово как онтологический объект философии М. Хайдеггера. *Общество: философия, история, культура*, 2021, № 7, с. 27–31.
- [4] Хайдеггер М. Что такое философия? *Вопросы философии*, 1993, № 8, с. 113–123.
- [5] Азаренко С.А. Бытие как бытие-в-коммуникации. *Известия Иркутского государственного университета*, 2017, т. 20, с. 157–164.
- [6] Хайдеггер М. *Бытие и время*. Москва, Академический проект, 2015, 460 с.
- [7] Фрейд З. *По ту сторону принципа удовольствия. Психология масс и анализ человеческого Я*. Санкт-Петербург, ОМКО, 2012, 167 с.
- [8] Деррида Ж. *Голос и феномен*. Санкт-Петербург, Алетея, 1999, 208 с.
- [9] Малкина С.М. Критика метафизики и логоцентризма как основа интерпретативных стратегий деконструкции. *Известия Саратовского университета. Философия. Психология. Педагогика*, 2006, № 1–2, с. 18–21.
- [10] Деррида Ж. *О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только*. Минск, Современный литератор, 1999, 832 с.
- [11] Belsey C. Desire in theory: Freud, Lacan, Derrida. *Textual Practice*, 1998, vol. 7, no. 3, pp. 384–411.
- [12] Петерс Б. *Деррида*. Москва, Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018, 640 с.
- [13] Деррида Ж. *Золы угасшей прах*. Санкт-Петербург, Machina, 2012, 115 с.
- [14] Деррида Ж. *О грамматологии*. Москва, Ad Marginem, 2000, 520 с.
- [15] Грицанов А.А. *Новейший философский словарь. Постмодернизм*. Минск, Современный литератор, 2007, 791 с.
- [16] Дьяков А.В. *Философия постструктурализма во Франции*. Москва, Northern Cross, 2008, 363 с.
- [17] Деррида, Ж. *Позиции*. Москва, Академический проект, 2007, 160 с.

Статья поступила в редакцию 23.02.2024

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Косенко Д.В. Желание как основа коммуникации: пример М. Хайдеггера и Ж. Деррида. *Гуманитарный вестник*, 2024, вып. 1.  
<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2024-1-890>

**Косенко Дарья Владимировна** — магистрант философского факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (направление «Философия», профиль «Социальная философия»). e-mail: [ginonen.vion@gmail.com](mailto:ginonen.vion@gmail.com)

## Desire as the basis for communication: Examples of M. Heidegger and J. Derrida

© D.V. Kosenko

Saratov State University, Saratov, 410012, Russia

*Using the example of the classical semiotic approach to the problem of identifying the source of communication, the paper considers insufficiency in the established idea of communication being a process of transmitting messages from one person to another. Analyzing M. Heidegger's approach, it could be concluded that Being is the source of every message, which manifests itself through language. Consequently, communication has the ontological basis, and the author acts as an intermediary between this basis and the message recipient. However, this position is not adequately reflecting versatility and complexity of the message exchange process, since a message acquires the overly metaphysical character. The J. Derrida deconstruction and his proposed metaphor for mail bring clarity. Based on the deconstruction methods, a hypothesis is developed about the "game of desire" that dominates in the communication process. Thanks to comparative analysis of the M. Heidegger and J. Derrida approaches, the paper presents the author's view of the communication model in the textual desire context.*

**Keywords:** actant scheme, semiotic code, trace, textual desire, deconstruction, message, mail metaphor, communication, interpretation

### REFERENCES

- [1] Eco U. *The Role of the Reader. Explorations in the Semiotics of Text*. Midland Book Edition, 1984 [in Russ.: Eko U. Rol cheloveka. Issledovaniya po semiotike teksta. St. Petersburg, Symposium Publ., 2005, 501 p.].
- [2] Greimas A.J. *Structural Semantics: An Attempt at a Method*. University of Nebraska Press, 1983 [In Russ.: Greymas A.Zh. Strukturnaya semantika: Poisk metoda. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2004, 368 p.].
- [3] Cheban A.G., Maslov R.M., Gushchin Ya.D. Yazyk i slovo kak ontologicheskii obyekt filosofii M. Khaydeggera [M. Heidegger's philosophy of language and word as an ontological object]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura — Society: Philosophy, History, Culture*, 2021, no. 7, pp. 27–31.
- [4] Heidegger M. Was ist das — die Philosophie? Günther Neske, 1956 [In Russ.: Khaydegger M. Chto takoe filosofiya? *Voprosy filosofii (Problems of Philosophy)*, 1993, no. 8, pp. 113–123].
- [5] Azarenko S.A. Bytie kak bytie-v-kommunikatsii [Being as being-in-communication]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta — The Bulletin of Irkutsk State University*, 2017, vol. 20, pp. 157–164.
- [6] Heidegger M. *Being and Time*. Harper Perennial Modern Classics, Reprint edition, 2008 [in Russ.: Khaydegger M. Bytie i Vremya. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2015, 460 p.].
- [7] Freud Z. *Beyond the Pleasure Principle*. Bantam Books, 1959 [In Russ.: Freyd Z. Po tu storonu printsipa udovolstva. Psikhologiya mass i analiz chelovecheskogo Ya. St. Petersburg, OMIKO Publ., 2012, 167 p.].
- [8] Derrida J. *La Voix et le Phénomène*. Presses Universitaires de France, 1967 [In Russ.: Derrida Zh. Golos i fenomen. St. Petersburg, Aletya Publ., 1999, 208 p.].

- [9] Malkina S.M. Kritika metafiziki i logotsentrizma kak osnova interpretativnykh strategiy dekonstruktsii [The critics of metaphysics and logocentrism as the foundations of interpretative strategies of deconstruction]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Filosofiya, Psikhologiya, Pedagogika — Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2006, no. 1–2, pp. 18–21.
- [10] Derrida J. *La carte postale: De Socrate à Freud et au-delà*. Flammarion, University of Chicago Press, 1980 [In Russ.: Derrida Zh. O pochtovoy otkrytke ot Sokrata do Freyda i ne tolko. Minsk, Sovremennyyi Literator Publ., 1999, 832 p.].
- [11] Belsey C. Desire in theory: Freud, Lacan, Derrida. *Textual Practice*, 1998, vol. 7, no. 3, pp. 384–411.
- [12] Peeters B. *Derrida*. Flammarion, 2010 [In Russ.: Peters B. Derrida. Moscow, Izdatelskiy Dom “Delo” RANKhiGS Publ., 2018, 640 p.].
- [13] Derrida J. *Feu la cendre*. Des Femmes, 1987 [In Russ.: Derrida Zh. Zoly ugasshiy prakh. St. Petersburg, Machina Publ., 2012, 115 p.].
- [14] Derrida J. *De la grammatologie*. Les Éditions de Minuit, 1967 [In Russ.: Derrida Zh. O grammatologie. Moscow, Ad Marginem Publ., 2000, 520 p.].
- [15] Gritsanov A.A. *Noveyshiyy filosofskiy slovar. Postmodernizm* [The latest philosophical dictionary. Postmodernism]. Minsk, Sovremennyyi Literator Publ., 2007, 791 p.
- [16] Dyakov A.V. *Filosofiya poststrukturalizma vo Frantsii* [The philosophy of poststructuralism in France]. Moscow, Northern Cross Publ., 2008, 363 p.
- [17] Derrida, J. *Positions*. Les Éditions de Minuit, Paris, 1972 [In Russ.: Derrida Zh. Pozitsii. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2007, 160 p.].

**Kosenko D.V.**, Master's Program Student, Faculty of Philosophy, Saratov State University (Philosophy direction, Social Philosophy profile). e-mail: ginonen.vion@gmail.com